

«ХРИСТОС – ЖИЗНЬ ЖИЗНИ»

УПРАЖНЕНИЯ БРАТСТВА
«ОБЩЕНИЯ И ОСВОБОЖДЕНИЯ»

2022

Пятница, 29 апреля, вечер

На входе и выходе:

Сергей Рахманинов. Литургия св. Иоанна Златоуста, ор. 31

Валерий Полянский – Государственная симфоническая академическая капелла России

«Spirto Gentil», n. 21, (Claves Records) Universal

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

Давиде Проспери

Обратимся с молитвой к Духу Святому, да сопровождает Он нас на пути в эти дни; всеми силами и со всем смирением, на которые мы способны, попросим о благодати быть открытыми Его действию, чтобы мы еще раз могли вкусить сладость Христова присутствия среди нас и вернуться домой возрожденными, воссозданными.

Гимн Святому Духу

Прежде всего прочитаю телеграмму от Святейшего Отца:

«По случаю духовных упражнений Братства „Общения и освобождения“ на тему „Христос – жизнь жизни“ понтифик с радостью обращает ко всем участникам свое сердечное приветствие. Он желает, чтобы дни духовных упражнений стали благоприятной возможностью обновить приверженность божественному Учителю ради все более плодотворного присутствия в Церкви и обществе в принадлежности к харизме Слуги Божия отца Луиджи Джуссани. Перед лицом индивидуализма и безразличия, которые характеризуют наше время и ведут к отметанию стольких жизней, Святейший Отец призывает задуматься о том, что христианский ответ заключается не в обреченной констатации современного ценностного обнищания и не в ностальгическом оплакивании прошлого, а в милосердной любви, вдохновленной доверием к Провидению, любящей свою эпоху и в смирении способной обновлять все. С такими пожеланиями Его Святейшество уверяет, что помнит о вас в молитве, и с радостью преподает вам апостольское благословение, залог всех желанных благ. Кардинал Пьетро Паролин, госсекретарь Ватикана».

В эти дни вместе с нами в упражнениях по видеосвязи участвуют друзья из сорока двух стран, а в ближайшие недели их проведут еще в сорока восьми странах; упражнения синхронно переводятся на семь языков. Таков масштаб этого события.

Почему мы здесь сегодня вечером? Зачем мы остаемся вместе на протяжении трех дней: кто-то в этом зале, кто-то на расстоянии, но все равно в единении? Что в очередной раз убедило нас собраться, собраться вместе после двух лет пандемии, из-за которых мы преодолели одиночество и боль от потери многих дорогих людей, вместе после испытаний и потрясений, выпавших на долю нашего Движения, вместе перед неуверенностью в завтрашнем дне, омраченном грозной тенью смерти и злом, которое несет война?

Отец Джуссани, начиная духовные упражнения Братства в 1992 году, так ответил на этот вопрос: «Что по-настоящему важно в этой компании, так это нечто нерушимо общее для нас. У каждого из нас своя индивидуальность, свое лицо, свое сердце, свой темперамент, свой характер, и относительно немногие знают друг друга во всех этих подробностях. Но даже у тех, кого я никогда не видел, кто затерялся в полумраке, усиленном этими яркими прожекторами, обжигающими мне глаза, даже у тех, кого я никогда не видел, из общего со мной – жизнь как задача, подлежащая осуществлению, задача, не мной и не ими поставленная или придуманная, общая задача, одинаковая для меня и для последнего человека, для самого далекого из вас с географической точки зрения, задача вверенная. Общим является для нас то, что мы желаем узнать, хотим узнать, всем сердцем жаждем узнать „причину“ этой задачи; мы также хотим узнать, куда идут все наши жизненные силы, все наше самовыражение, вся наша самоотдача, вся наша жизнь, в чем *цель* жизни, трудностей, которые приходится выносить, противоречий, которые приходится преодолевать, стыда за себя, который приходится испытывать («Молись о нас грешных»). Это является общим для всех, это наиболее важно для каждого из нас. И мы собираемся вместе, только чтобы переосмыслить эти слова, которые, будучи основой жизни каждого, всегда одни и те же и всегда другие, когда мы их повторяем. Вот чудо и тайна жизни, являющейся жизнью и выражающейся на уровне этих слов, драматично решающих для лица, которому суждено пребывать вечно: для вечного лица нашего „я“»¹.

Каждый из нас сегодня вечером призван вновь задать самому себе великий вопрос, который нас учили задавать всякий раз, когда мы собираемся: я, я Давиде, и ты, как бы тебя ни звали, почему я и ты здесь сегодня вечером?

Я здесь, потому что много лет назад со мной произошла встреча. Поначалу речь шла лишь о притягательном опыте, о притягательной человечности, исполненной обещания, обещания

¹ L. Giussani. *Un avvenimento nella vita dell'uomo*. Milano: Bur, 2020. P. 86–87.

смысла жизни, обещания задачи, обещания идеала, способного сделать жизнь в сто раз более полной и великой, идеала, способного обосновать радости и страдания, справедливость и несправедливость, счастье и несчастье, которыми неизбежно отмечена жизнь – моя и всех людей. Встреча погрузила меня в поток жизни, принявший форму определенной компании, человеческой компании, чьи величие и силу я пережил на опыте. Сила состояла в том, чтобы оценить и взрастить благое семя, которое было во мне, и не позволить мне остановиться перед собственным злом и ничтожеством. Если выразить одним словом смысл истории, приведшей меня сюда сегодня вечером, это будет слово «милосердие». Милосердие, потому что я понимаю: я смог до сих оставаться верным этой истории прежде всего благодаря верности Господа моей жизни, верности, воплотившейся в лицах многих моих попутчиков, которых Он дал мне на этом пути. Милосердие, как учил нас отец Джуссани, – слово настолько бездонное, что стоило бы вычеркнуть его из словаря. В моем опыте милосердие означает следующее: мы не являемся результатом наших расчетов. Скажи мне кто-нибудь несколько лет назад, что сегодня я буду здесь выступать, я бы точно рассмеялся. Но мы не результат наших расчетов: «Довольно для тебя благодати Моей, – говорит Господь святому Павлу, – ибо сила Моя совершается в немощи»².

Позвольте мне еще одну мысль. Чему именно мы своим пребыванием здесь сегодня, говорим да? Чему говорю да я? Какой задаче, если вернуться к слову, использованному отцом Джуссани в тексте, процитированном выше? Мне кажется, в начале упражнений, центрального события для жизни Братства, важно ясно сказать всем, в чем заключается ответственность, которую Дух Святой через авторитет Церкви возлагает на нас в этот момент нашей истории, в том числе и потому, что многие в последние недели спрашивали меня об этом. Правильно будет, если мы сразу же начнем помогать друг другу в этом шаге.

Говоря коротко, от нас просят участвовать – увлеченно и вместе с тем в духе сыновнего послушания – в обновлении современной Церкви. В конце девяностых Церковь в лице Иоанна Павла II торжественно признала, каким основополагающим ресурсом были и являются мирянские движения для обновления Церкви и ее миссии, особенно во все более секуляризованном западном мире. Тридцатого мая 1998 года (многие из нас это помнят) на площади Святого Петра собрались все основатели самых известных церковных движений. Многих, и среди них – отца Джуссани, сегодня уже нет в живых. Сопровождая движения в деликатном переходном процессе от эпохи основателя к дальнейшей жизни, процессе, с которым столкнулось не только наше движение, руководство Церкви обрело все более зрелое понимание того, каким ценным даром являются харизмы движений для всей Церкви, а также какие изменения

² 2 Кор. 12:9.

необходимы, чтобы они приносили больше плодов. Первым и, несомненно, неокончательным результатом этой работы осмысления, работы, начатой не в понтификат Франциска, а еще во времена Иоанна Павла II (достаточно прочитайте важное выступление тогдашнего кардинала Ратцингера как раз по случаю Всемирного конгресса движений, прошедшего в мае 1998 года), стало письмо Конгрегации доктрины веры *Iuvenescit Ecclesia* – документ, который стоит читать и осмыслять. За ним последовали два текста, хорошо известные всем нам: Общий декрет о международных объединениях верных и выступление папы Франциска от 16 сентября прошлого года. Что же, Церковь просит у нас стать чем-то другим по отношению к тому, чем мы всегда были? Такой вопрос задали или задают себе многие из нас. И я хочу на него ответить. Утверждая меня в должности президента Братства на ближайшие годы, кардинал Фаррелл сказал мне: «Хотите ли вы быть фактором обновления, вносить свой вклад в обновление изнутри всего церковного опыта, привнося в него все то, чем вы являетесь? Это очень важно, потому что, если вы станете чем-то другим, это никому не будет интересно – ни вам, ни другим, и это никак не будет созидать Церковь».

Итак, от нас не требуется ничего другого, кроме как быть до конца самими собой, все больше, все с бóльшим сознанием привнося нашу самобытность в жизнь всей Церкви. Вот чему Церковь призывает нас сегодня сказать да. Именно об этом отец Джуссани написал нам после знаменательной встречи папы с движениями: «Благодарю вас, друзья! То, что случилось в субботу, 30 мая, случилось потому, что вы есть, есть и вы, *вместе*. Созидать можно лишь вместе. Действительно, Бог там, где есть единство. Для меня субботняя встреча с Иоанном Павлом II – величайший день в нашей истории, ставший возможным благодаря признанию папы. Это был „крик“, который Бог дал нам как свидетельство о единстве, о единстве всей Церкви. По крайней мере, я воспринял его так: мы одно. Я сказал об этом Кьяре и Кико (Кьяра Любич и Кико Аргуэльо, основатели движений «Фоколяры» и «Неокатехуменальный путь». – *Примеч. перев.*), сидевшим рядом со мной на площади Святого Петра: как в подобные моменты не кричать о нашем единстве? И впервые я так остро ощутил, что мы существуем *ради* Церкви, мы фактор, созидающий Церковь. Я почувствовал, что взят в длани, заключен в персты Бога, Христа, формирующие историю. В последнее время я начал по-настоящему понимать (и в субботу понял еще больше) ответственность, к которой призвал меня Бог. Я не понимал, но в субботу мне стало ясно. Ответственность эта является таковой, если передается другим именно как ответственность. Она истинна, когда служит всей Церкви, а значит, и всему Движению, когда является послушанием тому, о чем говорит святой Павел: „Никто из нас не живет для себя, и никто не умирает для себя; а живем ли – для Господа живем; умираем ли – для Господа умираем: и потому, живем ли или умираем, – всегда Господни“

(Рим. 14:7–8). Сам Бог действует в наших делах: „Бог всё во всем“. Мы несем ответственность за единство, вплоть до того, чтобы ценить даже мельчайшую крупицу добра в другом человеке»³.

Я здесь с вами сегодня ради этого. Отец Мауро Джузеппе Лепори, генеральный настоятель ордена цистерцианцев, согласился (и за это мы ему благодарны) быть с нами здесь сегодня по той же причине.

«Христос – жизнь жизни» – так звучит тема упражнений. Я бы назвал ее провиденциальной: действительно, благодаря чему может возродиться наш энтузиазм в отношении охватившей нас истории, откуда возьмется «да», которое мы призваны говорить, если не от взгляда, вновь обращенного к лику Христа, если не от обновленного изумления, с которого все началось, с которого началась вся наша история, от изумления одного человека, отца Луиджи Джуссани, перед плотью, перед лицом другого человека – Человека Иисуса из Назарета?

Добавлю последний и, возможно, самый важный ответ на вопрос, заданный в моем вступительном слове: почему я здесь, почему мы здесь? Я здесь ради Тебя, о Христе, Жизнь жизни. Мы здесь ради Тебя, мы здесь, чтобы узнать Тебя больше, чтобы вновь признать Тебя. Давайте же будем готовыми слушать, следуя за тем, кто впереди нас на пути.

³ L. Giussani. Lettera alla Fraternità. Milano 3 giugno 1998. // *L'opera del movimento. La Fraternità di Comunione e Liberazione*. Cinisello Balsamo-Mi: San Paolo, 2011. P. 271–272.

ВВЕДЕНИЕ

Мауро Джузеппе Лепори

«Одно лишь нужно»

Молчание означает слушание

«Следовать за Христом, любить Христа во всем: нужно признать, что это главная характеристика нашего пути»⁴.

Слова отца Джуссани из письма, которое он написал двадцать лет назад, с волнением отвечая на письмо Иоанна Павла II по случаю двадцатой годовщины Братства, сразу же прозвучали для меня как простейшее и всеобъемлющее описание сознания, вместе пробудить которое нас призывают упражнения. Вместе! Упражнения не монолог, даже если их читает монах. Более того, монах должен смиренно напоминать о желании молчания, о позиции молчания, смиренно напоминать о сознании, что молчание означает слушание: нужно открыть, как говорит святой Бенедикт в прологе своего Устава, «ухо сердца»: «Слушай сын, уроки учителя и преклони к нему ухо сердца твоего; с любовью прими увещания любящего отца и исполни их делом [то есть переживи на опыте], да трудолюбным послушанием возвратишься к Тому, от Кого отступил леностным непослушанием»⁵.

Послушание не заключается в первую очередь в некоем делании. Послушание – это прежде всего слушание, которое становится деланием в той мере, в какой оно переживается как внимательная и преданная открытость сердца, «приклоненного», говорит здесь святой Бенедикт, подобно нищему, просящему о том, что ему необходимо для жизни. Если молчание, слушающее, желающее получить жизнь от Другого, проникает в жизнь, находит место в жизни, во времени, в делах, в заботах, в радостях и скорбях жизни, всей жизни, если молчание хотя бы немного проникает в жизнь, оно становится главной дорогой, ведущей всю жизнь вглубь молчания, вглубь слушания, и жизнь приклоняется, склоняется в просьбе о жизни и в принятии жизни. Об этом говорят прекрасные строки Клементе Реборы: «Моя песнь – чувство, / Которое после тяжелого дня / Утомило ночные часы / И просило жизни»⁶.

Однако молчание, требующееся от нас в эти дни, не должно утомлять. Напротив, оно должно дарить отдых от беспорядка, от тревожных поисков, от удушающих претензий, которыми мы

⁴ L. Giussani. Lettera alla Fraternità. Milano 22 febbraio 2002 // *L'opera del movimento. La Fraternità di Comunione e Liberazione*. P. 10.

⁵ *Устав святого Бенедикта*. Пролог, 1–2.

⁶ C. Rebora. LXXII. Son l'arato per solcare I // *Le poesie*. Milano: Garzanti, 1988. P. 123.

заглушаем чистоту глубокого и истинного желания сердца, желания простого, желания, свойственного детям, желания, которое не отравляет претензиями в отношении самих себя, других, Церкви, в отношении тех, кто является ответственным и кто не является, которое не отравляет нашими претензиями истинную нужду, заключенную внутри нас, истинную нужду всех людей во всех ситуациях, в каких разворачиваются жизнь и история, включая историю Братства, монашеских орденов, как мой, и любых других церковных реалий.

Поэтому прежде всего давайте просить у Богородицы об этом подлинном молчании, о подлинном желании, ведь ее сердце было свободно от всякого пятна греха, от всех страстей первородного греха, то есть от жажды самодостаточного обладания смыслом и полнотой жизни, изолированного, когда ты скорее хватаешь, чем принимаешь. Сердце Марии всегда и во всем жило таким желанием. Для нее естественно было просить обо всем, просить даже без слов, потому что просьба, желание жизни были непрерывным биением ее непорочного сердца. Для нас это не так. Нам необходимо хотя бы на мгновение осознать, что это не так. Признать на миг, что молчания, которое слушает с сердечным желанием, в нас нет, оно слишком рассеянно, слишком напитано другими вещами, слишком оглушено разными шумами. Однако, чтобы создать в нас молчание, полное просьбы, мольбы, на самом деле достаточно и мгновенного осознания нашей рассеянности, нашей поверхностности, это должно быть мгновение боли, растерянности, смирения, как когда Марфа услышала упрек Иисуса в том, что в ней было слишком много шума, слишком много суеты, слишком много претензий, она «уже слишком хорошо знала», что нужно. Вот суть проблемы! Нам не хватает молчания, слушания, желания, если в нас господствует *самонадеянная уверенность в том, что мы уже знаем, в чем нуждаемся*, самонадеянная уверенность, что мы уже живем тем, в чем нуждаемся, чего нам достаточно, чего достаточно мне и всем, или, может, мне без всех остальных, или всем без меня.

Прислушиваться к единственной нужде

Пребывать в молчании не значит поставить жизнь на перезагрузку. Так на самом деле никогда не происходит. Если в конце времен Христос спросит у нас, что мы сделали или чего не сделали одному из наименьших Его братьев, если и все волосы на голове нашей сочтены, если даже один поданный стакан воды не будет забыт на небесах, если на суд предстанет каждое слово, которое мы произносим, то мы не можем пребывать в молчании, забывая о жизни. А жизнь, даже полная тревог и беспорядка, вступает в молчание, когда прислушивается к тому, что необходимо, когда позволяет, чтобы ей говорили, как было сказано в тот день Марфе, что «одно только нужно», что есть «благая часть», которая никогда не отнимется: «Марфа! Марфа! ты заботишься и суетишься о многом,

а одно только нужно [одно только необходимо]; Мария же избрала благу часть, которая не отнимется у нее»⁷.

Мы должны хотя бы на уровне намерения, на уровне желания переживать молчание этих дней, подобно Марфе. После призыва Иисуса она больше ничего не сказала, пораженная и раненная Его словами и в таком состоянии она вернулась к очагу, к еде, которую готовила, к тарелкам, которые ставила на стол, к тому, чтобы служить гостям, пришедшим с Иисусом и наводнившим ее дом. Она не вернулась к делам, как побитый пес. Иисус никого не побивает. Иисус возвещает, Иисус воспитывает, Иисус открывает Самого Себя, и, открывая Самого Себя, Он и нам открывает нас самих. Марфа, несомненно, вернулась на кухню раненой, но сразу же почувствовала, что эта рана шла ей на пользу: она вскрывала нарыв, изгоняла инфекцию, отравлявшую ее сердце, жизнь, отношения, в том числе и отношение с Богом, с Иисусом, их великим Другом. Что-то в ней было неправильно, что-то было не в порядке, и в результате она рассердилась даже на Иисуса, чего никогда не хотела, чего никогда бы и представить не могла до того вечера, до той сцены.

Давайте искать, давайте впустим в себя молчание Марфы, слушание Марфы, «благу часть», которую в тот вечер избрала и она: возможно, сначала с грустью, возможно, сначала с желанием кричать еще громче, чем раньше, с желанием уйти, хлопнув дверью. Она же молчит. И позволяет слову Иисуса работать в ней, возделывать ее изнутри, подобно пахарю, чтобы почва сердца стала плодородной, способной принять семя, способной принести плод.

Мы нуждаемся в молчании Марфы, и не только каждый лично, но и как община, как Братство, как Церковь. Мы нуждаемся в нем, чтобы наша жизнь и жизнь нашей общины, жизнь Церкви стала плодородной, изобилующей тем, что Христос говорит, чего Христос хочет, чем Христос, Слово Божие, является. Мы нуждаемся в молчании Марфы, чтобы по-настоящему принять присутствие Христа, достигшего нас настолько, что Он сидит у нас дома и говорит, Он здесь и ждет ужина с нами, ждет, когда разделит с нами еду, которую мы готовим для Него, достигшего нас настолько, что потом Он остается у нас ночевать, потому что Ему нужно отдохнуть. И Он нам друг, Он так нас любит, так ценит нашу компанию, что выбирает наш дом, нашу жизнь, наше сердце, чтобы отдохнуть во время Своей миссии по спасению всего мира, в Его исходе от Отца и возвращении к Отцу через вочеловечивание ради спасения всего человечества! Он приходит отдохнуть в мой дом! Понимаете, о каких великих вещах идет речь?! О каких невероятных вещах мы говорим?!

⁷ Лк. 10:41–42.

Обитель дружбы со Христом

В латинском гимне, воспевающей святую Марфу, есть одна строфа, которая всегда находит во мне отклик. По сути, это молитва к святой о том, чтобы она поделилась с нами своей дружбой со Христом: «Magistri felix hospita, / corda fac nostra ferveant, / ut illi gratæ jugiter / sint sedes amicitiaë» – «О блаженная гостеприимница Учителя, / содейлай, чтобы наши сердца пылали, / да будут они непрестанно / обителью благодарной дружбы!»⁸

Сын Божий, воплотившись, пришел призвать наши сердца, чтобы они были для него *sedes amicitiaë* – обителью дружбы. И это происходит не только в сердце Марии, Матери Его, но и в любом человеческом сердце, которого достигли Его присутствие и Его любовь, даже в сердце грешников, таких, как Закхей: Иисус позвал его, чтобы тот принял Его у себя дома, а на самом деле – принял Его в своем сердце, в сердце, которое по приходе Христа сначала исполняется радости, потом – раскаяния и, наконец, – любви дарующей, не только дарующей блага бедным и им же, Закхеем, ограбленным, но и признательной любви к Тому, Кто пришел именно к нему, в его собственный дом, чтобы «взыскать и спасти погибшее»⁹.

Мы нуждаемся в молчании Марфы, чтобы переживать такой опыт, или, точнее, такую благодать, событие Бога, грядущего, дабы содейать из нашей жизни обитель Своей дружбы. Мы должны пребывать в молчании, чтобы слушать присутствие Учителя, предложенное нам.

Суть проблемы

О чем же говорит нам Христос? Надеюсь, мы услышим в ближайшие дни, надеюсь и прошу об этом для себя и для вас, как, надеюсь, и вы просите об этом для меня и для всех вас. Сегодня, мысленно вернувшись к эпизоду с Марфой, подумаем о словах, над которыми она размышляла в молчании, которые наполнили ее молчанием и которые наполнили ее молчание: «Марфа! Марфа! ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно; Мария же избрала благовую часть, которая не отнимется у нее»¹⁰.

Возможно, как я уже говорил, поначалу она размышляла над этими словами, делая упор на упрек, который в них уловила: «Марфа, утомись, ты слишком суетишься из-за многих вещей, не тревожь твою сестру, поучись у отношения твоей сестры со Мной, ты всегда думаешь, что ты лучшая, ты думаешь, что должна быть лучшей, самой незаменимой...» Возможно, поначалу она обдумывала Его слова с обидой и печалью. Однако это только подтверждало суждение Иисуса: ее беспокойство росло. Зацикленность на этих вещах делала ее все более беспокойной и суетливой.

⁸Монашеский бревиарий. 29 июля, память святых Марфы, Марии и Лазаря. Гимн вечерней молитвы.

⁹Лк. 19:10.

¹⁰Лк. 10:41–42.

То же верно и для нас. Когда нас достигает суждение, взгляд, открывающий нам, что мы занимаем в жизни неподобающую позицию, суждение, исправляющее нас и в первый момент часто нам неясное, вполне нормально, что рана причиняет нам боль, и мы, вероятно, расцарапываем ее. Это как когда нам делают инъекцию, прививку. Остается ранка, боль в плече, некий симптом, но не в этом цель инъекции, смысл укола не в отверстии на нашей коже и не в образующемся синяке. Что привил Иисус Марфе, ранив ее поверхностно, ранив ее самолюбие? Какое благо могла постепенно ощутить Марфа после этого укола, ранившего ее? Какие слова могли со временем успокоить, утешить ее и постепенно сделать ее счастливее, дать ей новую радость, исходившую не от нее, а от слов Иисуса?

Если из сказанного Иисусом Марфе мы уберем слова о ней или о ее сестре, что останется? Останется суть: «одно лишь необходимо», «одно лишь нужно»¹¹.

Иисусу важно было, чтобы именно эти слова проникли в нее, чтобы о них она размышляла, в них жила, чтобы они могли пойти ей на пользу, принести пользу ее жизни, исцелить ее, спасти ее, собрать воедино разъединенное. Смысл этих слов не в легкой психологической, духовной гигиене, это не призыв навести в жизни чуть больше порядка, начиная с того, чтобы приструнить свой непростой характер. Смысл этих слов – Сам Христос, смысл Христа для Марфы, дар Христа для Марфы, и Он поделился этим даром еще до того, как Марфа заметила. Смысл этих слов в том, что *лишь Иисус отвечает на основополагающее желание сердца и жизни*: желание единства, желание обрести смысл, соединяющий все, соединяющий всех нас, спасающий общение; желание единства, обнимающего всех и вся и позволяющего нам ощутить себя обнятыми всеми и всем, обнятыми Всем во всём и во всех, то есть Богом, Который есть Отец, Который есть Христос; Христос же есть воплощенное Отчее милосердие, а значит, и воплощенное объятие благого Отца, Того, Кто с бесконечной радостью принимает обратно блудного сына, вернувшегося к Нему.

Сокровище, которое мы уже разделяем друг с другом

«Одно лишь нужно», «лишь в одном ты нуждаешься».

Иисус, как я уже говорил, предлагает Марфе эти слова, вновь всецело обращающие ее к единственному необходимому – к Самому Иисусу как дару, уже присутствующему и разделенному с другими, как дару, который Он дает всем. Ее сестра Мария уже принимает его, а возможно, и ее брат Лазарь, и ученики, пришедшие с Ним и наводнившие ее дом. Этот дар уже разделен со всеми теми, кто, начиная с Девы Марии вплоть до Марфы, получили и приняли его. Он уже разделен с Иоанном Крестителем, Елисаветой, Иосифом, вифлеемскими пастухами, Симеоном и Анной,

¹¹ Лк. 10:42.

волхвами и с некоторых пор – с Андреем и Иоанном, Петром, Филиппом, Нафанаилом, Матфеем мытарем, а затем – с Марией Магдалиной и другими женщинами, следовавшими за Господом и служившими Ему. Но не только. Он уже был разделен со множеством людей: с фарисеями и мытарями, с блудницами, со всякого рода больными и с бесноватыми. Он уже разделен с детьми, взбравшимися Иисусу на колени. Был уже целый народ, разделявший единственное необходимое, то, что Иисус теперь предлагал Марфе.

А мы, а ты, а я? Когда эти слова достигают нас, когда они достигли и продолжают достигать нас вновь и вновь, оставаясь всегда новыми, подумайте, с каким необъятным народом мы уже его разделяем. Две тысячи лет христианства, святых и грешников, святых грешников. Но вопрос не в цифрах... Достаточно двух-трех людей, которые вдруг понимают, что они разделяют друг с другом Христа как единственный, всеохватный и универсальный ответ на потребность человеческого сердца, чтобы исполнить нас изумления, изумления от того, как это сознание появляется у нас, появляется у каждого из нас, у меня! И уж конечно, мы не заслуживаем его больше чем миллиарды других людей, с которыми это еще не произошло. Какое изумление и какая ответственность! Какая благодарность и какое сокрушенное смирение! Ведь если у тебя дома ест и пьет, сидит прямо там, где ты и твои братья ежедневно сидите и разговариваете, если у тебя дома оказывается единственная Реальность, единственное Присутствие, в котором нуждается каждое человеческое сердце, в котором в этот самый момент нуждаются восемь миллиардов сердец, бьющихся на земле... как тут не ощутить головокружительную ответственность?! Ты в каком-то смысле становишься должником всего человечества, потому что тебе безвозмездно было даровано то, чего все – все без исключения! – ожидают.

Обнять Христа сейчас

Однако сейчас мы не должны об этом думать. То есть мы не должны сейчас думать, к кому устремлена эта Реальность. Сейчас мы должны думать о самой Реальности, поскольку она здесь, и если я ее не принимаю, если я сам не открываюсь, то бессмысленно тревожиться за вселенскую нужду, которая ожидает ее. Старец Симеон сразу же признал, что тот Младенец был «спасением для всех народов... светом к просвещению язычников»¹², но он это сделал, взяв Младенца на руки, прижав Его к себе.

Итак, мы должны понять, помочь друг другу понять, как слова, обращенные к Марфе, спасают нас сейчас, каждого из нас сейчас, в ситуации, в которой находится сегодня, в этот момент, жизнь каждого из нас, жизнь наших общин, Братства, монашеских орденов, Церкви и мира.

¹² Ср. Лк. 2,30–32.

Поставим себя на место Марфы в тот день, в тот вечер. Подумаем, как она вернулась к очагу, где готовила еду. Подумаем, как необходимо ей было уединиться с теми словами, ранившими ее. Сначала, вероятно, ей нужно было остудить гнев от того, что Иисус не услышал, не понял ее. Было в ней по крайней мере такое впечатление, поверхностное, психологическое, сентиментальное, охватившее ее на мгновение и наполнившее грустью. Раньше – говорил я – она хотя бы могла выплеснуть его на словах, и это позволяло ей выпустить пар, освобождало от дурного настроения, и ей становилось лучше. Потом она возвращалась к своим делам, прекрасно зная, что такая разрядка ничего не меняла, что сестра или другой человек продолжили бы в том же духе, как всегда. Но по крайней мере она выпускала пар, она могла сказать себе, что высказала, все что думала, пусть и не всегда она думала то, что говорила...

В этот раз Иисус словно обратил вспышку внутрь ее. Она словно «ушла под землю» и, вместо того чтобы рассеять осколки и излучение в радиусе тысячи километров, атомная энергия охватила все подземные тайники в недрах ее человечности.

На самом деле Марфа стала замечать, что слова Иисуса открывали ей саму себя. Не с поверхностной стороны, не как человека беспокойного, стремящегося всегда показывать себя в лучшем свете и быть на первых ролях в любых обстоятельствах, затмевая всех участников ситуаций, в которых ей приходилось жить. Это она и так знала, и наверняка ее сестра и ее брат тысячу раз ей об этом говорили. Нет, слова Иисуса открывали ей ее сердце, совсем другое, которое было гораздо глубже ее поверхностной психологии, ее характера и нрава. Кроме того, она знала, что Иисусу нравился ее нрав, Иисус на ее нрав всегда смотрел с симпатией и, возможно, подшучивал над ним, а она делала обиженный вид, но сама была в восторге от того, что Господь подтрунивает над ней, поскольку она чувствовала Его любовь, чувствовала себя понятой, обнятой. Иначе Иисус не посещал бы так часто и так охотно их дом, где Марфа играла столь важную роль, что Евангелие говорит, что не Лазарь и не Мария принимали Иисуса, а именно она¹³.

Однако слова Иисуса («Марфа, Марфа... одно лишь нужно») не были шуткой или легким проявлением нетерпения к ее беспокойству. Эти слова открывали ей ее сердце, обнажали его в его глубинной, сущностной, всеобъемлющей нужде, они открывали ей, что она обходила эту глубинную, сущностную и всеобъемлющую нужду стороной, не обращала на нее внимания. Или точнее, она заглушала ее делами, заботами, деятельностью, суждениями, страхами, раздражительностью, предубеждениями, антипатией, как и мы!

¹³ Ср. Лк 10:38.

Сердце есть нужда во Христе

Что такое сердце? Когда Иисус говорит: «Лишь одно необходимо», – мы должны понимать, что слово «необходимо» переводит греческий термин, который означает «нужду», «лишение», «нехватку». Не случайно в новом переводе говорится: «Лишь одна есть нужда». Мы, утверждая, что необходимо лишь одно, думаем о ценности этого единственного и о том, что важно, порой даже жизненно важно им обладать. Часто, однако, мы не думаем, что необходимость в этом определяется нашей нуждой, нехваткой, которую мы испытываем или которой являемся. Всецелая необходимость во Христе имеет для нас таинственное «определение», которое заключено в нас, которое есть мы, наше сердце, наше сердце, нуждающееся в Нем, наше сердце, нуждающееся только в Нем, которому недостает только Его. Не осознавая самих себя как нужду, мы не можем истинным образом принять дар Христа, встречу, в которой Он открывает, что Он для нас, как для Марфы, Единственный, Кто нужен сердцу, Единственный, в Ком мы действительно нуждаемся, нуждой в Ком мы являемся.

Как тут не процитировать великие строки Марио Луци, над которыми мы размышляли на Митинге в Римини в 2015 году: «Чего тебе не хватает, / сердце, / что ты вдруг нехваткой / полно?»¹⁴.

Марфа в тот вечер пережила именно такой опыт, она ощутила, как ее наполнил этот вопрос, который сердце задает самому себе. Наше сердце – вопрос, заданный самим себе, вопрос, наполняющий нас изумлением, выражающимся прежде всего в вопрошании, в нехватке. «Как же так? – говорим мы нашему сердцу. – Я даю тебе все, наполняю тебя многими вещами, многими страстями, многими тревогами, многой суестью и самонадеянностью, многими суждениями и предубеждениями, многими гениальными идеями и многими глупостями... Как ты можешь нуждаться в чем-то еще, как что-то еще может наполнить тебя? Как ты можешь наполниться отсутствием, нехваткой, нуждой, столь сильной, столь могущественной, что все остальное вдруг уходит в тень?! Словно все остальное было лишь видимостью, призраком, миражом, сором, тленом. А ведь все остальное казалось мне таким важным! Как получается, что внезапно, словно удар меча, тебя наполняет желание другого?!»

В ожидании начала нашей встречи мы слушали Божественную литургию святого Иоанна Златоуста Рахманинова. В комментарии, подготовленном для серии дисков *Spirto gentil*, отец Джуссани подчеркивает фрагмент, в котором целых восемь минут повторяется «Господи, помилуй!», и пишет: «Почему, брат Рахманинов, ты заставляешь нас на протяжении восьми минут повторять „Господи, помилуй“? Потому что наше время не имело смысла, не имело смысла, который могло иметь, оно утратило смысл, который могло иметь, оно утратило всеобъемлющий

¹⁴ M. Luzi. *Di che è mancanza... // Sotto specie umana*. Milano: Garzanti, 1999. P. 190. См. также: M.-G. Lepori. *Si vive solo per morire?* Siena: Cantagalli, 2016. P. 117–143.

смысл, называемый Судьбой, оно полностью „потеряло память“. Судьба не была присутствием, сформировавшим что-либо, она ни на что не повлияла, и все в нас произошло от инстинктивности, от лени, не дававшей нам двигаться, от раздражения или обиды, которые пробивают дно и позволяют гневу излиться вглубь нас, образуя горький омут, и по нему понятно, что в тебе есть гнев, даже когда он не очевиден и не выражен»¹⁵.

Мне кажется, именно до такого сознания дошла Марфа в тот вечер. Именно тогда Судьба достигла ее, достигла глубин ее сердца, «горького омута» ее сердца, пронизанного раздражением, обидой, гневом.

Встреча, выявляющая желание

Этот вопрос сердца к себе самому, это сознание, что сердце есть просьба о Христе, что сердце есть рана, которую только Христос может успокоить и исцелить, не возникли у Марфы ни с того ни с сего, внезапно, словно ничего не случилось. Такое сознание родилось в ней, потому что в тот вечер она встретила Иисуса. Вероятно, она знала Его уже давно, вероятно, она принимала Его у себя дома не раз, вероятно, она слышала о Нем – наверное, от сестры, которая, скорее всего, встретила с Ним раньше нее и, не исключено, была той грешницей, что омыла ноги Иисуса своими слезами и получила прощение грехов, ибо возлюбила много¹⁶. Она Его знала, они виделись, они ценили друг друга, но Марфа до сих еще не *встретила* Иисуса.

Об этом отец Джуссани говорит в отрывке, подсказавшем название наших упражнений (см. «Отдать жизнь ради дела Другого»): «Христос – имя, обозначающее и определяющее реальность, с которой я встретился в жизни. Встретился: я слышал о ней в детстве, в юности и т. д. Бывает, что человек взрослеет и это слово у него на слуху, но многие люди не встречаются с ним, не переживают на опыте как нечто присутствующее в настоящем. Христос же столкнулся с моей жизнью, моя жизнь столкнулась со Христом, чтобы я научился понимать, что Он средоточие всего, всей моей жизни. *Христос – жизнь моей жизни*. В Нем воплощается все, чего бы я хотел, все, чего я ищу, все, чем жертвую, все, что во мне прорастает из любви к людям, с которыми Он меня свел»¹⁷.

Для Марфы в тот день, в тот вечер произошла встреча со Христом, встреча как событие. Евангелие, описывая диалог между Марфой и Иисусом, отмечает скачок сознания, определяющий подлинную встречу с Иисусом Христом. Встреча со Христом, меняющая всю жизнь, происходит, когда мужчина, женщина оказываются перед Ним такими, какие они есть, со всей определяющей их

¹⁵ L. Giussani. Perché la vostra gioia sia piena // *Spirito gentil. Un invito all'ascolto della grande musica guidati da Luigi Giussani* / A cura di Sandro Chierici e Silvia Giampaolo. Milano: Bur, 2011. P. 361–362.

¹⁶ Ср. *Лк.* 7:36–50.

¹⁷ Л. Джуссани. *Ты, или О дружбе*. Братство «Общения и освобождения», 2022 (<https://ru.clonline.org/detail.asp?c=5&p=0&id=1320>, С. 26). Из книги «Отдать жизнь ради дела Другого», готовящейся к публикации.

человечностью, в добре и зле, и неважно, чего больше, добра или зла, неважно даже, если есть только зло, важно, что человек, как он есть, оказывается перед Ним, в Его присутствии. Можно быть чистейшим, как Дева Мария, или подлецом, как Закхей или благоразумный разбойник, можно вести беспорядочную жизнь, как самарянка, или быть грубым человеком с золотым сердцем, как Петр, или тонким религиозным интеллектуалом, как Никодим, или фанатичным и суровым фарисеем, как Павел... Неважно! Встреча происходит, когда мужчина, женщина, какие они есть, оказываются перед Ним и в тот момент Иисусу удается вложить в сердце этих людей, пусть даже шепотом, пусть даже одним лишь взглядом, великую весть, которой ждет вся жизнь: «Лишь Я тебе необходим. Лишь во Мне ты нуждаешься! Я та полнота, которой жаждет твое нуждающееся сердце!»

И тогда поистине «abyssus abyssum invocat» – «бездна бездну призывает», как говорится в сорок первом псалме¹⁸, бездна милосердия Божия призывает в ответ бездну ничтожности, которой является сердце человека.

В тот день Марфа пережила встречу со Христом, потому что в тот день ее сердце одновременно пронзили осознание собственной суетности, пустоты и удивление от того, что полнота этой пустоты была в Иисусе, была дарована Им.

Каждый из нас и все мы вместе должны отталкиваться от этого, должны принять сегодня слова Иисуса, обращенные к Марфе, или взгляд Иисуса, обращенный к Петру. Это одно и то же, ведь речь всегда идет лишь об одном: о событии встречи, которая происходит, чтобы вновь и вновь утверждаться как единственное, в чем нуждается человеческое сердце – наше сердце и сердце любого человека. Желаю вам заново пережить в вашей жизни, в вашем сердце, в самосознании вашего «я», в молчании, которого вам – плохо ли или хорошо – удастся достичь, желаю вам во всем этом заново пережить диалог между Марфой и Иисусом, описанный в Евангелии от Луки (Лк. 10:38–42). Предлагаю вам пожаловаться Иисусу на все, на что хотелось бы пожаловаться: на вас самих, на тех, кто рядом, на мужа, жену, детей, на работу, на здоровье, на общину, на Братство, на Движение, на Церковь, на целый мир... А потом предлагаю вам позволить Иисусу посмотреть на вас и сказать вам (какими угодно словами, словами, которыми Он однажды встретил вас), что ваше сердце нуждается лишь в одном: в Его присутствии. Позволим Ему позвать нас по имени, как Он позвал Марфу, Авраама, Моисея или Савла из Тарса, позвать нас по имени дважды, чтобы мы заметили то внимание, с которым Христос смотрит именно на нас, на меня лично, с которым Он зовет нас. Также предлагаю вам заметить то, что происходит в вас и в вашем отношении со всем, на что вы жаловались, порой даже справедливо. Иначе говоря, предлагаю вам открыть или открыть заново, как меняется

¹⁸ Пс. 41:8.

жизнь – вся жизнь – в свете Его взгляда и благодатного осознания того факта, что наше сердце нуждается лишь в Нем.

Завтра мы начнем именно с этого, чтобы вместе вернуться на путь следования за Ним, обновив сознание о полноте человечности, к которой Христос желает нас привести.

Сейчас вместе прочитаем молитву *Memorare*.

© 2022 Fraternità di Comunione e Liberazione